

Е.Р.Матвеев

ТЕМА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕХОВА И ГОРЬКОГО: ДИНАМИКА КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Отражена специфика развития традиции изображения «маленького человека» в русской литературе рубежа веков — XIX и XX — на примере творчества А.П.Чехова и М.Горького.

Ключевые слова: традиция, «маленький человек», А.П.Чехов, М.Горький

Тема «маленького человека» имеет истоки, восходящие к глубокой древности. Интерес к жизни «маленького человека» обнаружила уже новоаттическая комедия (ок. 4—3 вв. до н. э.), которая вынужденно стремилась к тонкой обрисовке нравов и характеров. Все внимание новоаттической комедии обратила на частную жизнь обыкновенного «маленького человека», потому что новые социальные условия, резко ограничили сферу социально-политической деятельности гражданина, а также возможность высказываться о ней в литературе. Из огромного количества комедий (только Менандр, Филемон [ок. 361—263 гг.] и Дифил [род. около 350 гг.] создали более 300 пьес) дошло очень немного, но они оказали сильнейшее влияние на римскую комедию, а через нее — на европейскую драму (У.Шекспир, Мольер) [1-4].

Затем, точка зрения «маленького человека» на жизнь была использована в сатирах Ювенала, обличавших моральное разложение власти.

В средневековой литературе Руси образцом восприятия жизни «маленьким человеком» можно считать «Моление» Даниила Заточника (XIII в.).

Одним из первых произведений европейской литературы, посвященных теме «маленького человека», до сих пор полагают роман Оливера Голдсмита «Векфилдский священник» (1766 г.), где уже намечена типичная для этой темы сюжетная коллизия: преследование бедного человека и совращение его дочери помещиком.

Таким образом, уместно напомнить известную мысль о том, что изображение «маленького человека» в литературе имеет международную и многонациональную традицию.

В русской литературе «маленький человек» как тип литературного героя появился с возникновением реализма в 20—30 годах XIX века (официальной точкой отсчета принято считать появление «Станционного смотрителя» А.С.Пушкина в 1830 г.). Традиции его изображения в литературе посвящены работы многих литературных критиков и ученых: от Белинского до методических инструкций для средней школы.

Напомним: «маленький человек» — это человек невысокого социального положения и происхождения, не одаренный выдающимися способностями, не отличающийся силой характера, но при этом добрый, никому не делающий зла, безобидный и, часто, безответный, трогательный в своей беззащитности перед тяготами жизни.

Как запечатлелось в нашей памяти, Пушкин и Гоголь, создавая образ «маленького человека», хотели напомнить читателям, привыкшим восхищаться романтическими героями, что самый обыкновенный человек — тоже человек, достойный сочувствия, внимания, поддержки.

Развитие традиции изображения «маленького человека» в русской литературе продолжалось на протяжении XIX-го века и, — по мнению некоторых литературоведов, — продолжилось и в XX-ом. К теме «маленького человека» обращались: Н.М.Карамзин, А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Н.В.Гоголь, Ф.М.Достоевский, А.П.Чехов, М.Горький, Л.Андреев, А.Куприн, Ф.Сологуб, А.Аверченко, И.Шмелев, С.Юшкевич и многие другие. Силу трагизма «маленьких людей», — «героев зловонных и темных углов», по определению А.А.Григорьева [5], — их своеобразную притягательность для писателя, в конце XX века так определил П.Л.Вайль: «Маленький человек из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему уменьшению не подлежит. Изменения могли идти только в сторону увеличения. Этим и занялись западные последователи нашей классической традиции. Из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров <...> герои Кафки, Беккета, Камю <...>. Советская культура сбросила башмачкинскую шинель — на плечи живого Маленького человека, который никуда, конечно, не делся, просто убрался с идеологической поверхности, умер в литературе» [6, с. 228].

За долгие годы изучения традиции изображения «маленького человека» несколько поколений литературоведов описали великое разнообразие этого социального типа. В литературной галерее «маленьких людей» можно выделить различные характеры и судьбы. Здесь легко обнаружить героев, стремящихся снискать всеобщее почтение через изменение своего материального статуса или внешнего облика («Лука Прохорович» — Евгения Гребенки, 1838 г.; «Шинель» — Н.Гоголя, 1842 г.); охваченных страхом перед жизнью («Человек в футляре» — А.Чехова, 1898 г.; «Наш человек в футляре» — В.Пьецуха, 1989 г.). Одни, — в условиях бюрократической действительности, подавляющей личность, — заболевают психическими расстройствами («Двойник» — Ф.Достоевского, 1846 г.; «Дьяволиада» — М.Булгакова, 1924 г.); другие, — у которых внутренний протест против общественных противоречий уживается с болезненным стремлением

возвысить себя, приобрести богатство, — теряют рассудок («Записки сумасшедшего» — Н.Гоголя, 1834 г.). Некоторых страх перед начальством приводит к смерти («Слабое сердце» — Ф.Достоевского, 1848 г.; «Смерть чиновника» — А.Чехова, 1883 г.); иные, опасаясь подвергнуть себя критике и таким образом навредить своей репутации, изменяют поведение и мысли, сообразуясь с жизненными обстоятельствами, и теряя себя («Хамелеон» — А.Чехова, 1884 г.; «Веселые устрицы» — А.Аверченко, 1910 г.). Часть героев может обрести счастье только в любви к женщине («Старческий грех» — Алексея Феофилактовича Писемского, 1861 г.; «Горы» — Е.Попова, 1989 г.), другая — хочет изменить свою жизнь путем применения магических средств («Верное лекарство» — Евгения Павловича Гребенки, 1840 г.; «Маленький человек» — Ф.Сологуба, 1905 г.). Встречаются персонажи, которые из-за жизненных неудач решаются покончить с собой («Старческий грех» — А.Писемского; «Рассказ о Сергее Петровиче» — Л.Андреева, 1900 г.).

В XX веке «маленький человек», — не вписывающийся, по мнению исследователей литературного процесса периода 90-ых годов прошлого столетия, «в идеологические каноны социалистического реализма», — перекочевал в литературное подполье и начал существовать в бытовой сатире М.Зощенко и М.Булгакова, а затем — в произведениях В.Войновича, Е.Попова, В.Пьецуха и М.Веллера. Для философа и писателя Александра Зиновьева непосредственным наследником «маленького человека» в реальности последней четверти XX века стал «homo sovieticus». В этой связи, обращусь к точке зрения современного исследователя литературы Серебряного века В.В.Полонского: «Сколь бы хрестоматийной ни была эта тема, на пути своего развития в отечественной литературе она претерпевала существенные изменения. Разумеется, «маленький человек» — устойчивый миф русской словесности, предполагающий заданный инвариант сюжета и художественного осмысления образа. Однако, как и любой миф, история о «маленьком человеке» проявила способность к более или менее свободной вариативности» [7, с. 21]. И всё же, наиболее эволюционным и показательным для традиции изображения «маленького человека» был, на мой взгляд, период конца 19 — начала 20 веков. Отсюда и выбор, сделанный в пользу Чехова и Горького этих лет (т.е. до 1910 г.), ибо первый преобразовал *традицию*, а второй пытался так изменить *жизнь* человека, чтоб в ней более не было места унижению «маленьких людей», а, стало быть, не найдется такого места и в литературе.

Чем интересно такое сопоставление?

Прежде всего, как мне кажется, общим культурно-историческим и философским контекстом, который особенно заметен в ситуации сильного эстетического переживания пограничной эпохи, а такое переживание было присуще каждому из писателей — и Чехову, и Горькому. Обостренное понимание утраты связи времён невольно заставляло обращаться к таким коренным понятиям как традиция. Думается, особенно остро это осознавали писатели, чье творческое становление было духовно связано с литературой XIX века. В нашем случае, это, прежде всего, Чехов и, в меньшей степени, Горький. Глубокое переживание своей эпохи вызвало очевидное изменение «философии образа» (В.В.Полонский — *Е.М.*).

Затем, с точки зрения специалистов по западным литературам, русским писателям вообще свойственна «некоторая футуристичность», органичная для русского национального сознания, «с его утопическим вектором и утопической идеологией, вечно ориентированной на будущее как воплощение надежды на лучшую жизнь». Эта футуристичность всегда являлась «лейтмотивом национальной психологии и культуры». Такой исторический социо-культурный и этико-философский стимул очевиден в творчестве Чехова и, особенно, Горького. Наложившись на огромный запас жизненных впечатлений, требовавших исхода, эти факторы, в ситуации рубежа веков, и дали интересную интерпретацию темы «маленького человека» у целого ряда писателей, в том числе, в творчестве Чехова и Горького.

И, наконец, «...изменение философии образа “маленького человека” от 1830-х к 1900-м годам, от Пушкина и Гоголя к Чехову и его современникам, выявляет характерную внутреннюю логику, отбрасывающую свою тень и на динамику самой концепции личности в русской литературе, и на историю разных литературных направлений». [7, с. 21].

Любопытно, как же эпоха перемен влияет на «маленького человека» в реальной жизни, и как реагирует на него творческая лаборатория писателя? Разумеется, Чехов и Горький, являясь современниками, каждый по-своему отразили эту тему в своем творчестве.

Ведь именно в рассказах и повестях Антона Чехова воссоздана небывалая по масштабу галерея «маленьких людей», документально запечатлевшая панораму эпохи рубежа, эпохи перемен. Писали об этом многие известные литературоведы и критики, но, иллюстрируя традицию, я приведу слова молодой писательницы — Лены Стасовой, чтоб в осмыслении Чехова прозвучал голос поколения XXI века. Характеризуя феномен Чехова, она написала так: «Жизнь его - это расстояние от бакалейного мальчишки до вершины мировой литературы. Космическое расстояние, уложенное в 44 года, и в этом рывке главную роль сыграли не только разночинное самолюбие и литературный дар, но титанический труд, напряженная внутренняя работа по созданию писателя и человека. Нового писателя и нового человека. Чехов пополнил вереницу своих чиновников, жандармов, кухаркиных детей, провинциальных актеров, зевак и пьяниц новыми лицами — растерянными перед хамством, тонувшими в заурядности, не решавшимися поверить в то, что человек все-таки рожден для счастья. Пополнил, сочетая зоркость и иронию с состраданием» [8].

Здесь следует уточнить некоторые аспекты изображения «маленького человека» у Чехова, поскольку в этом, как раз, и состоит отличие чеховского метода от горьковского.

Оно в том, что создавая вереницу «маленьких людей», Чехов отказывает большинству из них в сострадании и сочувствии. Чехов отстраняется от своих героев, объективируя реальность и не вынося окончательного приговора. Порой, создается впечатление, что герой сам виноват в своем ничтожестве, а потому — он уже вовсе не жертва. Автор испытывает род досады, даже неприязни к «маленьким людям», пишет о них с иронией. Подлинное сочувствие Чехова принадлежит «новому интеллигенту».

Вот, как об этом сказано в статье Л.Стасовой: «Я не рискну заглянуть в чеховскую лабораторию. В ту лабораторию, где он создал нового героя своего времени — чеховского интеллигента. Как в свое время Тургенев — тургеневскую женщину. О которой Толстой говорил — «не знал, что такие бывают, пока не прочел Тургенева, теперь стал узнавать» [8].

Возможно, отторжение «маленького человека» в творчестве Чехова было вызвано его «разночинством». Оно питало энергией и амбициозностью его талант, и одновременно было вечным напоминанием о бедности и пошлости прежней, провинциальной жизни: «Я мещанин во дворянстве, а такие люди недолго выдерживают, как не выдерживает струна, которую торопятся натянуть» [9, с. 12]. Но, скорее всего, главной причиной тому была переломная эпоха. Зоркий взгляд Чехова подмечал новое в духовной жизни общества. Классический «маленький человек» — принадлежал, или казалось, что принадлежал, прошлому.

«Чехов сделал лейтмотивом творчества трагедию человека, переросшего среду», — написала Лена Стасова, — «Образованного и застенчивого разночинца — Петю Трофимова и Костю Треплева, и Николая Тузенбаха. «Гамлета», имеющего идеалы, но не способного к действию и противодействию, рефлектирующего и надломленного. И часто гибнущего — как Треплев и Тузенбах. И с другой стороны, Гаевых—Раневских — возвышенное дворянство, обреченное, вырождающееся, но способное на прекрасные порывы и прагматичных, циничных Лопухиных — новых хозяев “вишневых садов”» [8].

Чехов не дожил до революции и трудно с уверенностью сказать, как бы сложилась его жизнь. Потому что при всем его гуманизме и заботе о народном благе у Чехова не было ни горьковского босяцкого романтизма и веры в культуру, ни толстовской веры в просвещение. Он понимал темноту крестьянства, мелочность и глупость мещанства, и способность обоих сословий быть обманутыми агитацией. Понимал он и драму мыслящей и бескорыстной интеллигенции, ещё более драматичную на этом социальном фоне. Чехов знал: даже уйдя в революцию, она будет обречена. Потому что есть вещи, через которые чеховский интеллигент не сможет переступить. Как точно написала Лена Стасова: «Не зря два больших художника так разошлись в формулировках: “Человек — это звучит гордо!” и “В человеке должно быть все прекрасно...”» [8].

В отличие от молодого исследователя Елены Стасовой, литературовед старшего поколения, Е.Б.Тагер, определял роль и миссию Чехова так: писатель «включил в сферу своего беспощадного разоблачительного анализа и ложь реакционного толстовства, и крохоборчество буржуазного культурничества, и утопизм народнических иллюзий, и мистицизм нарождающегося декаденства (вспомним хотя бы его замечательные письма к Дягилеву)» [10, с. 25].

«Трезвый реализм» Чехова (выражение Е.Б.Тагера [10, с. 25]) срывал маски с людей и явлений окружающей его действительности, пусть не с такой обличительной силой, но с не меньшей широтой, чем это делал Толстой.

Именно то, что Чехов сумел не податься влиянию самых разнообразных и утонченных форм идеологической лжи и заблуждений, характеризовавших различные течения буржуазный и мелкобуржуазной мысли того времени, — именно это делало Чехова подлинно демократическим писателем. Горький сразу почувствовал и оценил эту особенность Чехова: «Рад я, что встретился с Вами, страшно рад! Вы, кажется, первый свободный и ничему не поклоняющийся человек, которого я видел» [11, с. 73], — писал он в начале своего знакомства с Чеховым.

Горький и Чехов принадлежали к тем, кто сделал себя сам, выйдя из мелкобуржуазной, «разночинской» среды.

Гранью, отделявшей Горького от Чехова, была вера в идеи социализма, пролетарской революции. По определению Тагера — это был рубеж, который не смог переступить Чехов [10, с. 25]. Вера в социалистическую идею диктовала и отношение к «маленькому человеку» в творчестве Горького. Босяки, обитатели ночлежки, простые «маленькие люди» — никогда не изображались Горьким лишёнными человеческого достоинства. Их судьба, порой страшная и безысходная, их гибель не заставляли Горького растворяться в персонаже или скорбеть о нём, увековечивая в слове. Вспоминая Горького после его кончины, Ремизов писал, что полюбил его «за веру в то, что «маленький человек» задавленный и ожесточившийся, сможет подняться во весь рост — и тут — Горький протягивает ему руку» [12, с. 283]. Не «сверхчеловек» волновал Горького, считал Ремизов, а именно «маленький человек» в окаянной русской действительности.

Ремизов был благодарен Горькому за «воспевание человеческого достоинства» — «без чего дышать нечем» [12, с. 283].

Не сатира, не обличение было задачей Горького, а призыв к будущему новому Гордому Человеку. Только ради него, будущего Настоящего Человека, попадали на страницы его произведений тех лет «пестрые люди». Попадали и оставались навсегда как в гербарии листья, как в музее — восковые фигуры.

Сравнивая Горького с Чеховым в их отношении к «маленькому человеку», можно сказать: в контексте этой темы мы наблюдаем смену этапов художественного развития, обнаруживаем поступательную закономерность хода историко-литературного процесса. Таким был рубеж прошлых веков.

Казалось, на долю писателей нового XXI века выпало завершить художественную судьбу истории «маленького человека», после того, как в нее, вслед за Пушкиным, вписали славные главы многие классики русской литературы, но время распорядилось по-другому. Похоже, этот персонаж есть «вечная Сонечка» нашей литературы.

На рубеже теперь уже XX—XXI веков продолжает жить традиция изображения «маленького человека». Сейчас — в, непризнанной официально, сетевой литературе и живет очень выпукло, выразительно. Его питает сегодняшнее социальное расслоение общества (Матвей Крымов «Последнее волшебство», «Магазинчик “Кроха”», «Миша, Ребекка и небо в алмазах» и др.) [13]. Полагаю, обновляясь, эта традиция ещё будет жить в XXI-м веке.

Лет тридцать назад казалось, что динамика традиции в изображении «маленького человека» будет продолжать своё поступательное движение. Тогда как теперь, можно сказать, что традиционная тема русской литературы, сделав виток по всем известной философской спирали, вышла на новый этап своего историко-литературного бытования, и теперь продолжает жить, раскрывая социо-культурные и философские обстоятельства человеческого бытия на новом этапе общественного развития.

1. Тронский И.М. История античной литературы. 3-е изд. Л., 1957. 486 с.
2. Тронский И.М. Новонайденная комедия Менандра «Угрюмец» // Вестник древней истории. 1960. № 4. С. 55-72.
3. Радциг С.И. История древнегреческой литературы. 2-е изд. М., 1959. 594 с.
4. Толстой И.И. Новая аттическая комедия и связанные с нею жанры // История греческой литературы / Под ред. С.И.Соболевского [и др.]. Т. 3. М., 1960. С. 17-43.
5. Григорьев А.А. Русская литература в 1851 году // Русская литература XIX века: хрестоматия критических материалов / Сост. М.Г.Зельдович и Л.Я.Лившиц. М., 1975. С. 411.
6. Вайль П. Смерть героя // Знамя. 1992. № 11. С. 228.
7. Полонский В.В. Мифологизация и основные векторы эволюции прозы // Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века. М.: Наука, 2008. С. 21.
8. Стасова Лена. Антон Чехов. Неюбилейное [Электр. ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2010/02/03/908>. (дата обращения: 19.07.2017).
9. Чехов А.П. Письмо А.С.Лазареву (Грузинскому) от 20 октября 1888 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. Т. 21. М.: Наука, 1976. С. 12.
10. Тагер Е.Б. Горький и Чехов // Избранные работы о литературе. М.: Советский писатель, 1988. С. 25.
11. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. М.: ГИХЛ, 1957. С. 73.
12. Ремизов А.М. Петербургский буюрак: Три письма Горькому // Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: «Русская книга», 2003. С. 283.
13. Крымов М. Миша, Ребекка и небо в алмазах и др. рассказы [Электр. ресурс]. URL: <https://matvej-krymov.livejournal.com>. (дата обращения: 19.07.2017).

References

1. Tronskiy I.M. Istoriya antichnoy literatury [The history of ancient literature]. Leningrad, 1957. 486 p.
2. Tronskiy I.M. Novonaydannaya komediya Menandra „Ugryumets” [Newly found comedy by Menander “The Grouch”]. Vestnik drevney istorii, 1960, no. 4, pp. 55-72.
3. Radtsig S.I. Istoriya drevnegrecheskoy literatury [History of ancient Greek literature]. Moscow, 1959. 594 p.
4. Tolstoy I.I. Novaya atticheskaya komediya i svyazannye s neyu zhanry [New ancient Greek comedy and related genres]. In: Sobolevskiy S.I., ed. Istoriya grecheskoy literatury, vol. 3. Moscow, 1960, pp. 17-43.
5. Grigor'ev A.A. Russkaya literatura v 1851 godu [Russian literature in 1851]. In: Russkaya literatura XIX veka: khrestomatiya kriticheskikh materialov. Moscow, 1975, p. 411.
6. Vayl' P. Smert' geroya [Death of the literary character]. Znamya, 1992, no. 11, p. 228.
7. Polonskiy V.V. Mifologizatsiya i osnovnye vektory ehvolyutsii prozy [Mythologization and the main vectors of prose evolution]. Mifopoehtika i dinamika zhanra v russkoy literature kontsa XIX — nachala XX veka. Moscow, 2008, p. 21.
8. Stasova Lena. Anton Chekhov. Neyubileynoe [Anton Chekhov. Non-anniversary edition]. Available at: <http://www.proza.ru/2010/02/03/908>. (accessed: 19.07.2017).
9. Chekhov A.P. Pis'mo A.S.Lazarevu (Gruzinskomu) ot 20 oktyabrya 1888 g. [Letter to A.S. Lazarev (Gruzinsky) of October 20, 1888]. In: Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem in 30 vols, vol. 21. Moscow, 1976, p. 12.
10. Tager E.B. Gor'kiy i Chekhov [Gorky and Chekhov]. Izbrannye raboty o literature. Moscow, 1988, p. 25.
11. Gor'kiy M. Works in 30 vols, vol. 28. Moscow, 1957, p. 73.
12. Remizov A.M. Peterburgskiy buerak: Tri pis'ma Gor'komu [Petersburg Gully: Three Letters to Gorky]. Works in 10 vols, vol. 10. Moscow, 2003, p. 283.
13. Krymov M. Misha, Rebekka i nebo v almazakh i dr. rasskazy [Misha, Rebecca and the sky in diamonds and other stories]. Available at: <https://matvej-krymov.livejournal.com>. (accessed: 19.07.2017).

Matevosyan E.R. The theme of the “man of no importance” in creative works of Chekhov and Gorky: the dynamics of tradition. The article reflects the peculiarities of tradition of the image of the "man of no importance" in the Russian literature at the turn of the 19th and 20th centuries, exemplified in creativity of A.P.Chekhov and M.Gorky.

Keywords: the tradition, the “man of no importance”, A.P.Chekhov, M.Gorky.

Сведения об авторе. Е.Р.Матевосян — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующая Архивом А.М.Горького, ГБУН «Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН», Москва; 7357@rambler.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.